

ОЛГА МИХАЙЛОВА, ЮЛИЯ МИХАЙЛОВА
Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ АДАПТИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ СЛОВАРЯХ¹

Ideological adapting of orthodox vocabulary in soviet and post-soviet dictionaries

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, идеология, православие, лексика, семантика, прагматика, толковый словарь

KEYWORDS: lexicography, ideology, orthodoxy, vocabulary, semantics, pragmatics, glossary

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of vocabulary definitions that explain the vocabulary of Orthodoxy. The material was the basic dictionaries published in the USSR, modern explanatory dictionaries of the Russian literary language and dictionaries that represent the religious picture of the world. It is shown how by means of ways of interpretation of orthodox lexicon, system of marks and illustrations in dictionaries of the Soviet period occurs ideologization of lexicon, polarization of evaluations, opposition of Orthodox religion. Explanatory dictionaries of modern times are exempted from the Soviet ideological evaluations and political characteristics. They overcome ideological simplification in the representation of religious vocabulary. As a result of comparative analysis of vocabularies for secular people and dictionaries for the religious sphere discourse variants of vocabulary are revealed and it is proved that differences in the definitions of identical Orthodox lexemes are conditioned by the ideological concept of dictionaries compilers.

1. Введение

Лексика справедливо считается той областью языка, в которой наиболее наглядно отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни. Советский период в истории России оказал разрушительное влияние на идеологию православия. Именно религиозная подсистема лексики претерпела серьезные изменения в период тоталитаризма. Православная лексика

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №15-04-00239/17-ОГОН «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика». Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02.A03.21.0006.

целенаправленно устранялась из активного словарного запаса, потому что в советском обществе был свой объект для поклонения и сакрализации – коммунизм, а не православие. Тоталитарное языковое сознание формировалось не только с помощью лозунгов и прямых запретов, но и с помощью идеологического воздействия на сознание, мировоззрение, морально-психологическое состояние людей, с помощью продуманной языковой политики, целенаправленной идеологической переработки словарного материала через лексикографические источники.

Словари, созданные в советскую эпоху, отражают идеологическую ситуацию тоталитаризма. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) – это первый лексикографический труд, в котором достаточно полно представлен словарный состав русского литературного языка советской эпохи (до 30-х гг. XX в.). В предисловии к словарю сказано: «История словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи» (Ушаков 1935/I, 3). Словарь помогал усвоить установившиеся идеологические нормы употребления слов, образцовый тоталитарный язык, в котором не было места религиозной лексике.

В первых изданиях толкового словаря русского языка С. И. Ожегова также отражена идеологическая норма, а следовательно, и антирелигиозная политика государства. Об этом можно судить, например, по таким замечаниям автора: «Однотомный словарь русского языка является руководством к правильному употреблению слов [...]» и далее: «Русский язык [...] является источником новых понятий и терминов социалистической культуры, политики подлинного демократизма и прогресса» (Ожегов 1953, 3–4).

Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1950–1965) явился наиболее полным толково-историческим и нормативным словарем литературного языка XIX–XX веков. Представляя словарный портрет эпохи, академический словарь не мог не отразить идеологических установок своего времени, которые выявились и в толкованиях, и в стилистических пометах, и в иллюстрациях. Составители словаря руководствовались следующим положением:

Словарь должен с необходимой полнотой отражать политическую жизнь страны Советов, представляя лексику и фразеологию, созданную и принятую в письменном и разговорном литературном языке эпохи диктатуры пролетариата, в условиях советского строительства и нового социалистического производства» (Виноградов 1977, 198–199).

Поэтому в системе толкований православной лексики, в характере помет, в подборе цитат (в частности, в насыщении словарных статей цитатами из классиков марксизма), как и во всех прочих толковых словарях советского

периода, нашли отражение идеологизация лексики, поляризация оценок, неприятие любой религии, в особенности православия.

Результатом политики и идеологии советского государства явились словари, рассчитанные на адресата с воинствующим атеистическим мировоззрением: «Словарь атеиста» (1964), «Православие. Словарь атеиста» (Гордиенко 1988), «Карманный словарь атеиста» (Новиков 1975) и др. Такие словари были предназначены для атеистического воспитания советских людей и формирования отрицательного отношения к религии вообще, поэтому в них большое внимание уделяется критике священных книг, религиозной догматики. По сути, это энциклопедические словари, так как словарная статья включает много религиозно-философской, культурологической информации; раскрывает историю явления и, главное, приводит положения марксистской теории, разоблачающие реакционную роль религии с позиций науки и идеологии. В толкования часто включены модальные слова со значением персуазивности (*якобы, будто* – словарные статьи БРАК ЦЕРКОВНЫЙ, ГРЕХ), а также оценочные словосочетания, маркирующие «чуждость» религиозных представлений для советского человека: [...] *реакционная идея о бессмертии оказывает отрицательное влияние на умы людей. Она вселяет иллюзорную веру в потустороннее существование и тем самым парализует творческую и социальную активность личности* (словарная статья ДУША), *таинство елеосвящения служит одним из средств психологического воздействия на верующих, с помощью которых церковники стремятся опутать, пронизать религией всю жизнь человека от рождения до его смерти* (словарная статья ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ), *церковь дает верующим извращенное представление о моральной ответственности* (словарная статья ИСПОВЕДЬ, ПОКАЯНИЕ) и под.

Социальные изменения, произошедшие в России после «перестройки», оказали влияние на отношение общества к религии. Церковно-религиозная лексика православия, за годы советской власти отодвинутая на периферию лексической системы, сейчас возрождается и занимает свое особое место в культуре. Активизировались и научные исследования, посвященные религиозной тематике, и в отдельный раздел языкознания выделилась теолингвистика (Гадомский 2008).

Связанная с православием лексика как подсистема словарного состава русского языка представлена в толковых словарях, ориентированных на разных адресатов.

Существуют словари, представляющие религиозную картину мира, например: «Полный церковно-славянский словарь», составленный священником Г. Дьяченко (1993), «Словарь православной церковной культуры» Г. Н. Складневской (2000), «Словарь церковных терминов [с иллюстрациями]» (Покровский 2016) и др. В них представлена практика и идеология Русской православной церкви.

«Полный церковно-славянский словарь», составленный священником Г. Дьяченко (далее – ПЦСС), был составлен в 1898 г., но издан Московским патриархатом в 1993 г. Составитель словаря преследовал цель объяснить все малопонятные слова и обороты речи, встречающиеся в церковно-славянской Библии, церковно-богослужебных и церковно-назидательных книгах, чтобы дать возможность читателю понимать оригинальные и переводные памятники древнерусской письменности, как духовной, так и светской (ПЦСС 1993 Предисловие, XX). ПЦСС можно отнести к энциклопедическим словарям, так как в нем содержатся наименования географических объектов, собственные имена. Предназначается ПЦСС в первую очередь пастырям церкви, всем преподавателям русского и церковно-славянского языка, а также всем читающим русские летописи и древние старопечатные книги и просто интересующимся читателям.

Особое место среди современных лексикографических источников занимает «Словарь православной церковной культуры» (далее – СПЦК), который по охвату религиозной лексики может сравниться с ПЦСС. Главная отличительная черта СПЦК состоит в том, что «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть с о в р е м е н н о г о (выделено нами. – О. М./Ю. М.) русского языка» (Скляревская 2000, 4). СПЦК – это толково-энциклопедический словарь, в котором большую часть занимают культурные сведения. В словаре описываются лексические единицы, связанные с православием: основные понятия христианского вероисповедания, элементы и предметы богослужения, таинства, наименования церковной иерархии, облачения, элементы церковного календаря, православные праздники. Как отмечает автор, «цитаты из текстов Нового Завета, из просветительской религиозной, а также светской литературы выполняют разные функции: дополняют и углубляют толкование, представляют разнообразную информацию о церковной культуре, вводят в круг церковного чтения» (там же, 6).

Толковые словари фиксируют опыт языкового коллектива и отражают словарный состав языка на определенном этапе его развития. Являясь общими словарями литературного языка, толковые словари включают в себя лексику различных понятийных областей и отражают наивную картину мира. По этой причине ни одна из семантических сфер не может претендовать на полноту описания, и все понятийно-тематические классы лексики отражены с той или иной степенью полноты в зависимости от объема и задачи словаря.

Естественные изменения российской жизни, снятие запретов на религию, свобода совести, ставшая возможной в нашей стране, обусловили достаточную полноту фиксации религиозной лексики в новых лексикографических источниках. В постсоветский период были изданы толковые словари, проводящие иную языковую политику и иначе представляющие православную

лексику, чем словари советские. Например, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1997 и последующие издания); «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» (Скляревская 2001); «Большой толковый словарь русского языка (Кузнецов 2001, далее – БТСРЯ) и др. Толкования лексических единиц религиозной семантики в указанных словарях приближены к дефинициям в специальных словарях – ПЦСС и СПЦК.

В последнее время сфера религиозной коммуникации заметно расширила свои границы, массив православной лексики, вытесненный в советскую эпоху из языкового сознания людей, активно проникает в современную жизнь, становясь частью повседневного общения. И можно, вероятно, говорить о двояком восприятии православной лексики: условно говоря, «изнутри», т.е. с позиций религиозного мировоззрения, и «извне», т.е. с точки зрения светского мировосприятия. С учетом такого противопоставления один и тот же религиозный концепт будет иметь разное толкование в словарях, обслуживающих сферу светской коммуникации, и словарях, обслуживающих религиозный дискурс.

2. Дискурсивные варианты лексики

Сфера православной религиозной коммуникации характеризуется двуязычием – использованием сакрального и обыденного (мирского) языков (Унбегаун 1971; Успенский 1994; Ицкович 2016), которые служат отражением религиозной и светской картин мира соответственно. Различия между названными картинками мира проявляются в особом наборе и специфике функционирования лексических единиц, соотносимых, в частности, с моральными концептами. В ПЦСС, СПЦК, которые представляют религиозную картину мира, включены лексемы, соотносимые с этическими понятиями, существующими только в религиозном дискурсе. Например, это *немолитвенность*, *нецерковность* как нарушение христианского нравственного закона или *духовная прелесть* – ложное ощущение избытка личных духовных дарований; *трезвение* – постоянное внимание к своим мыслям, чувствам, проверка их собственной совестью и сопоставление с Евангелием.

Русский язык как бы передоверил славянскому целые области значений, для которых не выработал своего словаря, заимствуя при необходимости из запасов славянского. В качестве примера одного из таких многочисленных «пустых мест» в русском языке можно привести название для «основного нравственного термина»: в русском языке и в говорах *нет* соответствия книжному славянскому добродетель (ср. польск. *cnota*) (Седакова 2005, 11).

Большинство лексем функционирует и в религиозной, и в светской коммуникации, однако эти коммуникативные варианты нередко соотносятся с разными концептами и, следовательно, одна и та же лексема имеет разные значения – религиозное и светское.

Так, ключевое слово *небо* в религиозном дискурсе имеет основное значение «божественная сфера бытия; мир духовных (бесплотных) сил, божественных сущностей» (СЦПК, 154), «преимущественное место обитания Бога и ангелов» (ПЦСС, 339). Основное значение этого слова для носителей нерелигиозного сознания – «видимое над Землей воздушное пространство в форме свода, купола» (БТСРЯ, 612). В светской картине мира *таинство* и *обряд* – это практически тождественные явления, поэтому соответствующие лексемы используются в мирской речи как синонимы (в БТСРЯ *таинство* толкуется через идентификатор *обряд*). Однако разграничение этих лексем является принципиальным в религиозной коммуникации, так как *таинство* – «священное символическое действие, через которое невидимым и непостижимым образом подается человеку благодать Святого Духа и осуществляется связь человека с Богом» (СЦПК, 244), а *обряд* – «символическое действие, составляющее внешнюю сторону культа, символизирующее общение верующих с Богом; форма осуществления таинств» (СЦПК, 165). По словам А. Меня, таинство нельзя смешивать с обрядом. «Обряд есть любой внешний знак благоговения, выражающий нашу веру. Таинство же – это такое священнодействие, во время которого Церковь призывает Духа Божия и благодать Его нисходит на верующих» (Мень 1980). В ПЦСС *таинство* отмечено как единица сакрального языка – «священное действие, через которое тайным образом действует на человека благодать или спасительная сила Божия» (706), тогда как лексема *обряд* толкуется как обыденное, мирское понятие – «убор, наряд» (369). Ср. еще примеры: *славословие* – «Песнопения, содержащее хвалу Богу» (СПЦК, 233) и «Неумеренное восхваление кого-, чего-л.» (БТСРЯ, 1206); *творить* – «о Боге: давать бытие, осуществлять» (ПЦСС, 712), «Совершать молитву» (СПЦК, 245) и «Создавать, созидать в процессе творческой деятельности материальные или духовные ценности» (БТСРЯ, 1309).

Сопоставление единиц, имеющих специфическое значение в разных сферах общения, приводит к выводу о существовании дискурсивных семантических вариантов, т. е. формально тождественных номинативных единиц, различающихся своим содержанием в зависимости от сферы употребления. О. Седакова (2005, 11) называет такие варианты паронимами, отмечая затруднительность лингвистической классификации подобных фактов.

В качестве дискурсивных вариантов часто выступают лексемы, обозначающие моральные концепты, так как именно в их восприятии обнаруживаются принципиальные различия между религиозной и светской картинами мира. Например: *любовь* – «Одна из главных христианских добродетелей» (СПЦК,

133) и «1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.» (БТСРЯ, 509); *нечистота* – «Невоздержание, сладострастие, роскошь» (ПЦСС, 353) и «Отсутствие чистоты, наличие грязи, мусора» (БТСРЯ, 648). Ср. также *терпение, осуждение, упорство, скука* и др.

Этическая система религиозной культуры выстроена достаточно четко: большинство понятий имеют здесь однозначную оценку и примыкают либо к грехам, либо к добродетелям, тогда как в светской картине мира многие этические понятия амбивалентны, например: *гордость, самолюбие, мечтательность, смех, спор*. Аналогичный пример приводит А. Киклевич: *страдание* в христианстве «интерпретируется как блаженство: с точки зрения христианского богословия переживаемое с Христом страдание является источником славы по ту сторону смерти и источником радости» (Киклевич 2013, 278).

Идеологическая концепция словаря и мировоззрение читателя, которому адресован словарь, обуславливают выбор дефиниции лексем. Религиозная картина мира сохраняет традиции, уходящие в средневековье, и основные религиозные концепты не меняются на протяжении столетий. Именно поэтому возможно было переиздание в 1993 г. без дополнений и исправлений словаря протоиерея Дьяченко, созданного в 1898 г.

Светская картина мира более подвижна: в ней находят отражение все перемены, происходящие в обществе, она испытывает влияние идеологии и политики государства, поэтому лексика православия по-иному описывается в толковых словарях разных эпох. Обращаясь к лексикографическим источникам советского и постсоветского периодов, можно обнаружить динамику религиозного мировоззрения в обществе.

3. Православная лексика в русских толковых словарях разных лет

Толковый словарь дает нам не только информацию о языке, он является источником несобственно лингвистической информации – энциклопедической, этнокультурной, идеологической. Церковно-религиозная лексика фиксировалась в толковых словарях в соответствии с господствующей в обществе идеологией. Для сопоставления мы проанализировали словарные статьи, посвященные православию, в двух лексикографических источниках – толковом словаре русского языка советского, сталинского периода (Ожегов 1953, далее – СО) и толковом словаре постсоветского периода (Ожегов, Шведова 1997, далее – СОШ).

Сопоставительный анализ этих словарей (состава словников, словарных дефиниций, стилистических помет, иллюстративных контекстов) позволил сделать следующие выводы.

В СО подсистема православной лексики была дефектной. В СОШ она значительно расширена и представлена практически без лакун. Примером может служить тематическая группа «Православные праздники»: в СО включены только *Рождество* и *Пасха*; в СОШ – эта группа включает 21 лексему, в частности *Рождество Богородицы*, *Успение*, *Вознесение*, *Благовещение*, *Сретение*, *Преображение* и др. СОШ дополнили также лексемы из тематических групп: формы богослужения (*утреня*, *литургия*, *всенощное бдение*, *молебствие*), религиозная феноменология (*воскресение*, *богочеловек*), религиозные обряды (*елеосвящение*, *евхаристия*, *пострижение*, *венчание*, *тризна*, *омовение*), наименования церковной иерархии, духовенства и монашества (*иерей*, *диакон*, *церковнослужитель*, *пресвитер*, *иеромонах*) и др. (Михайлова 2004).

Содержание дефиниций и тексты комментариев в СО целенаправленно искажали семантику и аксиологический статус слова из области православия. В СОШ преодолена идеологическая примитивизация в восприятии религиозной лексики, переработаны и уточнены толкования, например: БОГОМОЛЬЕ – «Поклонение церковным реликвиям, святыням (СО) и «Посещение особо почитаемых отдаленных церквей, монастырей, скитов для поклонения церковным реликвиям, святыням. *Хождение на б. ко гробу Господню*» (СОШ). ПОМИНКИ – «Пережиток религиозной старины – угощение после похорон в память умершего» (СО) и «Обряд угощения после похорон в память умершего» (СОШ). Кроме того расширена иллюстративная часть словарных статей, введена новая идиоматика.

СОШ освобожден от советских идеологических и политических характеристик и оценок, которые присутствовали в СО. Изменения проявляются, во-первых, в устранении помет «устаревшее», «старое», т.е. в перемещении религиозной лексики из пассивного запаса в активный; во-вторых, в повышении стилистического ранга значения религиозной лексики: слова с пометой «разговорное» переходят в разряд нейтральных, а нейтральные единицы получают пометы «книжное» или «высокое»; в-третьих, в нейтрализации отрицательной оценки (из толкований исключены эмоционально-оценочные пометы, а также идеологические ярлыки типа «дурман», «суеверный», «схластический», «пережиток», «так называемый», «мистический»).

Таким образом, для словарей разных типов даже при очевидном сходстве целей характерна принципиально различная идеология и принципиально разный подход к отражению религиозно-церковного мира. В постсоветское время в лексикографии наметилась культурологическая реконструкция лексической подсистемы, связанной с православием. Главный вопрос, который, по мнению лексикографов, необходимо решить, – это вопрос об информативной недостаточности толковых словарей. Однако описание такой специфической сферы, как религиозная лексика, требует большой осторожности и выверенности не только с лексикографической, но и с идеологической точки зрения.

Библиография

- Виноградов, В. (1977), Лексикология и лексикография: Избранные труды. Москва.
- Гадомский, А. К. (2008), Учебный библиографический словарь русско-польской терминологии теолингвистики. Симферополь.
- Гордиенко, Н. С. (1988), Православие. Словарь атеиста. Москва.
- Ицкович, Т. В. (2016), Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях. Екатеринбург [диссертация].
- Киклевич, А. К. (2013), Социальные ценности в системе современной культуры. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IV, 273–293.
- Мень, А. (1980), Таинство, слово, образ. В: <http://krotov.info/library/13_m/myen/1_8_tso_prl2.htm> [доступ 10 января 2017].
- Михайлова, О. А. (2014), Ограничительный компонент в семантике русского слова. Saarbrücken.
- Михайлова, Ю. Н. (2004), Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей). Екатеринбург [диссертация].
- Новиков, М. П. (1975), Карманный словарь атеиста. Москва.
- Покровский, Д. Словарь церковных терминов. В: <<http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pokrovskij-dmitrij/slovarj-cerkovnih-terminov-s-illyustraciyami/1>> [доступ 29 декабря 2016].
- Седакова, О. (2005), Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. Москва.
- Скляревская, Г. Н. (ред.) (2001), Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Москва.
- Унбегаун, Б. (1971), Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения. В: Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В.В. Виноградова. Ленинград.
- Успенский, Б. А. (1994), Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва.
- Ушаков, Д. И. (1935–1940), Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва.

Источники

- БТСРЯ: Кузнецов, С. А. (ред.) (2001), Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург.
- ПЦСС: Дьяченко, Г. (1993), Полный церковно-славянский словарь. Москва.
- СО: Ожегов, С. И. (1953), Словарь русского языка. Москва.
- СОШ: Ожегов, С. И./Шведова, Н. Ю. (1997), Толковый словарь русского языка. Москва.
- СПЦК: Скляревская, Г. Н. (2000), Словарь православной церковной культуры. Санкт-Петербург.